

Мария Аркадьевна Микийчук

СКАЗКИ—ЗАПЛАТКИ

Заплатки из сказок и ненастоящих
рассказов, но настоящих слов

Мария Микийчук

**Сказки-заплатки. Заплатки
из сказок и ненастоящих
рассказов, но настоящих слов**

«Издательские решения»

Микийчук М. А.

Сказки-заплатки. Заплатки из сказок и ненастоящих рассказов,
но настоящих слов / М. А. Микийчук — «Издательские
решения»,

ISBN 978-5-00-518549-5

Сказки, сплетённые из реальности, становятся материалом тонким,
кружевным. В них запутываются настоящие факты, и всё это сшивается
воедино только специально отобранными словами, чтобы получился то ли
сборник сказок, то ли лоскутное одеяло. Одним словом, не тексты, а сказки-
заплатки.

ISBN 978-5-00-518549-5

© Микийчук М. А.
© Издательские решения

Содержание

Свой	6
Зельда в университете ворчливых чар	8
Писатель-крысолов	11
Самый лучший подарок	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Сказки-заплатки
Заплатки из сказок и ненастоящих
рассказов, но настоящих слов

Мария Аркадьевна Микийчук

© Мария Аркадьевна Микийчук, 2020

ISBN 978-5-0051-8549-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Свой

Хелло Словесу

Тишина в этих краях обычно была трёх цветов – белая, фиолетовая и пронзительно-синяя. Все знали, что когда опускалась ночь, и тишина становилась чёрной, на самом деле это не цвет. Это тишина закрывает глаза, чтобы впитать в себя новые холодные силы.

Спокойствие казалось нежно-мятым, посеребрённым, и даже на вкус было, как мята со сливками в самой тающей во рту жевательной конфете. Через бесконечные холмы текла чёрная река. Она текла одновременно через расстояние и через время, поэтому вид у неё был немного кособокий, и казалось, что рябь на воде идёт в две стороны.

Люди, живущие в тех краях, были мудры, потому что знали: до реки сражайся, как тигр, но после реки замри, как рыба. За всё, что было им дорого, они боролись до последней капли крови ровно до момента, когда судьба и выбор другого человека принимали у них полномочия. После этого они пожимали плечами и шли домой пить чай, потому что знали: как не могли они повлиять на течение реки, так не могли они повлиять на некоторые вещи. Знали они и другое: когда ты кого-то бесконечно спасаешь, а не учишь спастись, ты привязываешь его к своей ноге, как собаку к столбу, и куда тебе спастись потом самому с такой ношей? Поэтому местные никогда не заключали браки ради спасения или желания властвовать, а если и помогали тем, кого вынесло на берег реки, то только едой, крепким чаем и временным кровом. Из-за этого другие считали их равнодушными и опасными чудаками. Местные знали, какая тишина на вкус, а оттого не любили шуметь. Медленно, как старики, они зарывались в пушистые колоски тимOFFеевки в бесконечных полях и смотрели на золотые небеса, замерев. В эти моменты они сами становились кто реками, кто озёрами, и понимали, что они хотят от мира в этот вторник – двигаться куда-то, пробивая скалы, или просто замереть в царственном величии, наслаждаясь гармоничностью рельефа своих берегов, давая тихую заводь зверям и глоток целебной воды путникам.

Из-за этой особенности в том краю было очень затруднительно работать картографам. Они никогда не знали, настоящие ли это озеро или река – или кто-то из местных жителей находит просветление и понимает, чего он хочет от жизни. Приходилось аккуратно подходить к берегам и уточнять у воды.

Надо ли говорить, что картографы не очень-то рвались здесь работать, поэтому в основном в край спокойствия и тишины отправляли студентов.

Двое из этих студентов влюбились в это место и решили остаться.

Один из них полюбил чёрную реку бесконечной любовью, похожей на венки с горящими свечами на воде, медленно исчезающими в темноте. Его ступни чувствовали дороги и мостовые близлежащего города, а созвездия над его головой помогали ориентироваться: он был дома. И единственное, чего ему не хватало – это леса рядом, небольшого леса из вязов, и когда он смотрел на этот край реки, то видел этот призрачный лес, и ему было больно.

Второй наконец-то понял, что пришёл в свой край. Местные казались ему мудрыми и хищными, не такими бессловесными в глобальных спорах, как его амёбоподобные друзья, и в их ритуалах чудилось ему что-то, достойное восхваления. Он стал бесконечно восхищаться. Посмотрите, говорил он, эта река, что течёт передо мной, она похожа на сердце моё, на вены мои. Я чувствую себя одним из вас, я вижу в своём орлином взоре остроту и резкость звёзд, что пробивают иглами небо в момент, когда тишина замолкает, я чувствую себя давно ушедшим из этого места и вернувшимся после долгих скитаний. Он рисовал местные места и каждому из местных описывал глубину, ширину и технические характеристики любви к этому краю. Как же он хохотал над первым студентом! Этот лицемер, говорил он местным жителям,

остался здесь только для того, чтобы изменить это место, потому что он не любит его таким, какое оно есть.

Однажды молчаливый первый студент исчез, и второй восторжествовал, словно он победил в каком-то соревновании, о котором знал только он. Второй закатил вечеринку, а после описал всем своим знакомым эту землю, и те, восхищённые его способностью описывать, приехали. Это были грубые и толстокожие люди, и слова второго студента казались им наркотиком, потому что были резкими и сладкими, пробивали их кожу и вливались в кровь, вызывая зависимость. Они много шумели – как и он, не заботились о чистоте, плевали шутки ради в глаза местным жителям, запускали кораблики в чёрную реку, резали себе букеты из тимофеевки на память, как это делал второй ежедневно, отчего двор его дома быстро стал пустырём.

Второй почувствовал себя непобедимым в окружении друзей. Ему казалось, что это место создано для него, и он – един с сердцем этого мира, он был создан для того, чтобы жить здесь. Во сне ему привиделось, что он доказывает всему миру, что избран для великих дел – входит в чёрную реку и выходит из неё невредимым.

Он собрал всех жителей деревни и произнёс речь. Он разделся перед ними догола, чтобы они посмотрели, как он хорошо сложен. И зашёл в реку.

Река дала ему побарахтаться вдоволь, то топя, то давая глотнуть воздуха. Когда он звал на помощь, его друзья начали кричать, ужасаться, бегать по берегу и рвать на себе волосы, а местные стояли молча и ничего не делали. Среди них, уже на последнем издыхании, он увидел первого студента с большим мешком. Лицо у первого студента было такое же отстранённое: он понимал – что ушло в реку, нужно отпустить с хладнокровием рыбы. Даже не досмотрев гибель второго, он так же спокойно отвернулся первым и пошёл домой пить чай.

Проклиная это место, друзья уехали с телом второго, обещая запеленать его, как святого, и молиться на него, да только забыли об этом и вышвырнули его тело на полпути, так и не похоронив, потому что на самом деле им было наплевать на него, когда он был уже мёртвым, им нравился он царственным и болтливым.

А первый на следующее утро, хорошенько выспавшись, вышел к берегу реки, где видел лес из вязов. Он высыпал из мешка вязовые семена и стал молча сажать их, заполняя пустоту призрачных пока деревьев. Постепенно к нему подошли местные, и тоже стали молча помогать ему.

Потом они все вместе сидели на месте будущего леса, пили чай из термоса, смотрели на чёрную реку. Они все знали: свой не стал бы разрезать мятное спокойствие словами, потому что это – как лить на мяту прокисшее лечо с гарью, тухлыми яйцами и перцем чили. Свой не стал бы говорить, что он свой, потому что на что ему убеждать – он знает, и остальные видят его. И своему не нужно расчерчивать мир на смысловые конструкции, на поразительные и несущие высшее предназначение чёрные линии абзацев, потому что все они имеют смысл для него сами по себе, как привычный ландшафт, а не чёткие буквы на скрижалях с туманящим мозг смыслом.

Через много лет на месте призрачного леса вырос лес из вязов. И когда у людей спрашивали, кто его посадил, они спокойно отвечали: «Свой».

Зельда в университете ворчливых чар

Юлии Гречушкиной

– Добрый день! – жизнерадостно поздоровалась златокудрая полненькая девушка. Весь вид её был концентрированным описанием утра в богатом поместье: кожа – как сметанные булочки к чаю, глаза – как чай с лимоном, платье – цветущие белоснежные азалии, а на щеках румянец, похожий на восходящее солнце. – О, чудесный юноша, вы не подскажете, как мне пройти на кафедру бесноватых университета ворчливых чар?

Пятикурсник, до этого мрачно опаздывающий на лекцию, аж затормозил.

– Ты что, шальная? – спросил он скорее изумлённо, чем грубо. Сообразив, что ошеломление прорвалось в его голос против его воли, он овладел собой и дальше продолжил уже с отвращением, как учили. – Тебе нахрена туда? Заблудилась, что ли, малолетка?

В глазах у девушки засверкали звёзды беспричинного восторга – она захлопала в ладоши и воззрилась на него, как на бога.

– Как же вы прекрасно ворчите, чудесный юноша! – воскликнула она. – Я мечтаю когда-нибудь стать таким же прекрасным негодователем и тоже приносить в мир только мрак и ненависть, потому что с моим характером люди обычно только обижают меня и используют для своих мрачных целей. Боже мой, какие интонации, какие обороты! Скажите мне – вы так молодо выглядите, может быть, вы уже преподаватель?

Отвыкший от доброго слова старшекурсник внезапно даже для себя заалел щеками.

– Нет, – буркнул он. – А кафедра там.

Девушка совершенно не выходила у него из головы – он хотел бы сказать, что целый день, но, к сожалению, целый месяц, пока он не увидел её в очередной раз в толпе, и не присоединился к ней за завтраком, замороженно глядя на то, как она дует на чай и щебечет что-то жизнерадостное о том, как чудесно ей вчера рассказали, как рассказывать обо всех случаях так, словно это было худшее событие в вашей жизни.

– Я твоя новая соседка, меня зовут Зельда, – сказала незнакомая девушка, расстилающая белоснежную скатерть с аккуратно вышитыми цветочками на их общем старом трухлявом столе. Она красиво разложила вышитые салфетки и поставила обратно на стол вазу, теперь наполненную местными корявыми ромашками, бог знает почему смотрящимися однозначно мило. – Я так рада делить с тобой комнату. Ты уже второкурсница, и наверняка знаешь очень много ужасных слов! Я буду невозможно рада научиться у тебя, как быть злой и мрачной.

Одджит вообще планировала третировать первокурсницу самым ужасным образом, потому что прошлая девочка сбежала в слезах прямо в начале учебного года, но от этого ласкового тона замерла и застыла в дверях с открытым ртом.

– Ты что, шальная? – спросила Одджит скорее изумлённо, чем мрачно.

– Думаю, что да, недаром же все меня об этом спрашивают, – рассмеялась Зельда; в этот момент некогда грязная, а теперь сияющая чистотой микроволновка тренькнула, и Зельда кинулась к ней и вынула из неё, как из какого-то волшебного портала, целую тарелку с пышными и невероятно большими домашними пирожками. – Вот, – сказала она. – Угощайся, пожалуйста, я их испекла дома. Вот эти с яблоками, эти с рисом, а эти мясные. А здесь есть где-нибудь духовка, ты случайно не знаешь? Ах, я дождаться не могу, когда стану просто кошмарным человеком и профессиональным негодователем!

Одджит посмотрела на два пирожка с рисом, её любимых... Воровато закрыла дверь и, поблагодарив (что, конечно, ни в коем случае она не должна была делать!), вгрызлась в первый пирожок, внезапно для себя очутившись в каком-то подобии рая.

Разумеется, студенты-негодovatели не готовили, чтобы ещё больше ворчать на столовую еду, распалая свой гнев. Но весь этаж потихоньку скинулся и купил Зельде плитку с духовкой. Она была ужасно счастлива, готовя в свободное время что-нибудь вкусное, а потом проходя по этажу и тайком разнося таким ужасным негодovatелям пирожки, запеканки, кремовые пирожные, эклеры и другие вкусные вещи.

А уж когда она готовила яблочный пирог, весь этаж, все девятнадцать человек, собирались у неё в комнате, сидели на полу, вдыхали завораживающий аромат теста и яблок, а как-то так незаметно и разговорились, рассказывая друг другу смешные истории из детства. Оказалось, все они – очень дельные ребята, и с ними можно иметь дело. И даже, если не особенно это афишировать, дружить.

Несмотря на то, что Серафим был юным преподавателем, только закончившим университет ворчливых чар, даже пятикурсники боялись его, как огня. И было, за что! Мало того, что он доводил до слёз даже матёрых студентов, поговаривали, что в прошлом году на финальном экзамене он довёл до слёз председателя комиссии, и после тот уволился.

Разумеется, когда Серафим вызвал к себе Зельду, все были в настоящем ужасе.

– Если он обидит её, я убью его, – прошептала Одджит, что было, разумеется, крайне непрофессионально, но очень правдиво – и отлично отражало эмоции абсолютно всех, кто сейчас дрожал за Зельду и хотел для неё только, кхгм, не самого плохого. – Клянусь всем злом мира, я его убью.

Зельда и правда вернулась в комнату в непривычном для себя настроении, но она не плакала, глаза её сияли ещё сильнее, чем обычно – но сияли как будто изнутри.

– Ой, вы все тут собрались, как чудесно! – воскликнула Зельда. – Давайте-ка по такому поводу я испеку вам персиковый торт.

От персикового торта никто не отказался, а спрашивать, всё ли в порядке, все немного боялись.

Только Одджит сразу поняла, в чём дело, и долго недоверчиво качала головой и улыбалась.

Она была очень рада за Зельду и теперь понимала, что уж Серафим её точно не обидит.

– Господа, – начал глава университета ворчливых чар экстренное собрание преподавателей, – в нашем университете поселился лазутчик, волонтер доброго отношения, который портит нам статистику!

Он вдруг заметил, как волна напряжения и ужаса прошла по лицам преподавателей, и те посмотрели на него нервно. Некоторые явно побледнели.

– Я хочу сказать, обратите внимание, какие ужасные оценки по всем предметам у нашего третькурсника, этого Дарака! Как так получилось, что... – большинство преподавателей облегченно вздохнули и расслабились. – ...он доучился у нас до третьего курса? Коллеги, что-то не так?

– О, нет, нет, всё омерзительно в меру, – раздался дружный хор голосов ему в ответ.

Накануне выпуска Зельда вся была в слезах, и никто не мог её успокоить, хотя все очень старались.

– Нигде, ни в одном месте не были ко мне так добры, – рыдала она. – Ни один человек здесь не пытался мною воспользоваться, как там, во внешнем мире, никто не подставлял меня, не говорил плохо за моей спиной, не врал. И я так полюбила это место! Мы все вместе посадили здесь персиковую рощу, клумбы, кусты сирени, пионы, вместе поставили уютные беседки с кожаными сидениями, сделали милые коврики на входе, фонтанчики, кафетерий... Даже Одджит остаётся здесь преподавать! А я... А я...

Писатель-крысолов

– Я называю его писатель-крысолов, – сказал Тинт, глядя в окно на вспенившееся каплями серого дождя стекло и стекловидные лужи на улицах. Даже ручьи, всеми силами пытающиеся ускользнуть от серых дровиков с неба, были безжалостно заколоты и захлёбывались свежепроткнутыми дырами и пузырями. – Я выслеживаю его уже семь с половиной лет.

Это было совершенно не то, что хочешь слышать в четверг вечером от коллеги по новой работе, с которым зашёл в кафе под названием «Кофе у моря», чтобы поговорить о незначимом и заполнить паузы клюквенным пряным или лимонным пивом в высоком запотевшем стакане, поглазеть на площадь с толстым кривоватым фонтаном в середине, торчащем там, как средневековый колодец.

Я повернулся и тяжело посмотрел на Тинта, пытаюсь понять, можно ли ещё выкинуть спасательный круг шутки и перевести разговор в русло коллег по работе и непосильной (и бессмысленной в свете того, что все мы живём только раз, а потом умираем) нагрузке, но весь вид юноши, замершего античной статуей с фоном в виде дождя, изображал живое воплощение серьёзности.

У нас не было больше выбора, решётка между нами захлопнулась, и он должен был исповедаться, а я – выслушать, ведь для этого и нужны случайные знакомые и вечера четверга. Я всегда особенно относился к четвергам, и всем советовал поступать так же.

– Заманивает читателей, переносящих чуму? – спросил я, потому что пауза начала затягиваться.

– Вот-вот, – оживился Тинт, тряхнув светлыми ramen-волосами, торчащими вокруг его головы неопрятными кудрями. – Странно, но ты почти угадал. Он именно что заманивает читателей. А потом исчезает без следа. Снова появляется уже в другом месте – и снова их заманивает, всегда под разными именами.

– Ну, весьма неразумная трата энергии, – покачал головой я. – Но писатели в принципе чудаковатые. Разве нормальному человеку придёт в голову сидеть, уткнувшись носом в кусок бумаги? А они считают это весьма волнующим впечатлением. Чем тебя привлёк именно он?

– Он написал про меня рассказ, – сказал Тинт и снова замолк. Взгляд его, как магнитом, снова увлекло к дождю, и голос стал медленным и безвкусным; так выглядит прорвавшийся внутренний голос, которым проговаривали что-то для себя, но не предполагали выносить гостям. – Мне было пятнадцать лет, когда я прочитал этот рассказ, и это точно было именно про меня, был со мной странный случай... Даже внешность совпадала до мелочей, только назвал он персонажа Тэй.

– Звучит похоже на твоё имя, – согласился я и схватил себе солёных орешков из чашки. Что ж, вечер четверга оказался любопытнее, чем я думал, качественный товар, всем рекомендую. – То есть, вы с этим человеком знакомы?

– Я не знаю, – так же металлически отозвался Тинт, на автомате поднеся к губам свой бокал, но забыв о нём. В стекле глазных яблок юноши плясали отсветы падающих капель дождя. – Я миллиард раз думал, кем же он мог быть? Может, моим школьным учителем? Или сыном друзей моих родителей. Может быть, это была улыбающаяся девушка на стойке регистрации в больнице. Всегда мрачный уборщик со шрамом во всю щёку или даже какой-нибудь мой родственник, который знает меня, и ему рассказали про этот случай. Но мне не даёт покоя то, что я знал его когда-то, я видел этого человека и не смог схватить.

– Почему ты называешь его крысоловом? – спросил я. – Я хочу сказать, зачем ему заманивать читателей?

– Я не знаю, – пожал плечами Тинт. Он как будто очнулся, отпил большой глоток пива и посмотрел на меня подозрительно – не смеюсь ли я над ним; я не смеялся. – Я думаю, ему

просто нравится проверять свои силы. Смотреть, идут ли за ним и за его словом те, кто слышит его впервые. Сияет ли его стиль через мутную воду других текстов. Он похож на человека, который зарабатывает миллиарды с нуля снова и снова.

– И много у него читателей?

– Да. Очень много. Каждый раз на каждом новом месте всё больше. Не думаю, что кто-то понимает, что это он же. Он старается менять темы и стили.

– Тогда как же ты понимаешь, что это он?

– О, я научился его распознавать, – улыбнулся Тинт. – Он оставляет маячки, как серийный убийца. И его видение мира... Другое. Уникальное. Я смотрю на его текст и понимаю, что это он. Вокруг него мир... Преображается. Он становится большим сном, который раскачивается и меняет формы, одно преобразуется в другое, незначительное становится значимым. Он видит мелкие детали и, как волшебник, превращает стол в поле для гольфа, где все стараются закатить пищу в полости своего рта, а дверь в недалёкую недовольную женщину, воткнувшую руки в бока и уставившуюся в дверной косяк. Думаю, если бы я услышал, как он говорит, я бы сразу понял, что это он. Он не может быть обычным человеком, он – писатель-крысолов. Даже когда он открывает рот, я уверен, он ведёт за собой, и не думаю, что он может остановиться и стать не-собой. Только не в словах.

– Ну, привет, – отмахнулся я. – Лучших серийных убийц так долго не ловили именно из-за того, что они были компанейскими дружелюбными парнями, весьма социально активными и милыми. Может быть, и твой крысолов в свободное время говорит одними существительными в связке с глаголами – на одном сидит, вторым погоняет.

– Нет, – робко улыбнулся Тинт и, вроде бы, даже заалел щеками. – Он просто не может говорить так же, как все. У него не получается, потому что он – это он.

Некоторое время мы сидели молча и пили пиво, залипая на бесконечные строчки водных иероглифов, текущих вниз по стеклу.

– Ну и что ты с ним будешь делать, когда выследишь? – пожал плечами я. – Я хочу сказать, ты же зачем-то его выслеживаешь, не просто попросить автограф и сообщить, какой ты поклонник его творчества.

Тинт помолчал. Сейчас он особенно походил на себя в подростковом возрасте – тот же острый нос, серые ясные глаза, тонкие и вечно обкусанные губы, упрямый подбородок. Но, главное, этот ртутный взгляд, пронзающий мир стальными лезвиями. Он всегда был пронизательным парнем. Шебутным, но пронизательным.

– За этим домом раньше был рынок, – сказал Тинт. – Довольно шумное и грязное место. Рынок назывался «Море», и я помню, как все смеялись, когда какой-то шутник украл из названия над одним из входов букву «Е». Это кафе открыли в то время и назвали его «Кофе у моря», хотя, конечно, никакого моря у нас в городе нет и не предвидится. Это именно его тип иронии. Думаю, я позвал бы его в это кафе. Скорее всего, вечером в один из четвергов – ты знаешь, он ценит четверги больше других дней недели. И рассказал бы ему эту историю за бокалом пива, как историю чудаковатого хобби.

– Звучит, как неплохой план, – согласился я. – А потом?

– Не знаю, – легко ответил Тинт. – Думаю, я не хотел бы его смущать или раскрывать, поэтому под конец сделал бы вид, что это просто история. Кроме того, вряд ли это случится, он наверняка давно живёт очень далеко, и я никогда его не найду.

– Скорее всего, – согласился я, допивая пиво. Кроссовки уже ныли фантомной мокротой от предстоящей встречи с лужами. – Что ж, раз это просто история, должен сказать, это весьма занятная история. Я надеюсь, что и твой писатель-крысолов когда-нибудь запьёт её пивом в этом чудесном кафе в один из четвергов.

– Я тоже, – легко ответил Тинт и, резко допив своё лимонное пиво, встал тем же рывком, как люди сдирают пластырь со свежей раны. – Ну что, пойдём?

– Пойдём, – ответил я.

Самый лучший подарок

Тебе

Жюстин посмотрела на Стива огромными бирюзовыми глазами, в которых, как цветы в ускоренной перемотке, распускались свежавыплеснутые слёзы, и Стив понял: с подарком в этот раз он угадал.

– Это всё мне?

– Только тебе, – нежно сказал он, приобнимая её плечи, по-родному чувствовавшиеся и в одежде, и без одежды. Забавно, подумал он, что вещи со временем начинают восприниматься, как вторая кожа. Испытываешь шок, встретив в оживлённом метро девушку в таком же желтого цвета свитере, что был на твоей жене в день вашего первого свидания, словно этот свитер не продаётся в каждом магазине, а вырос на жене, проступил сквозь кожу и сроднился с нею, приобрёл её запах и впитал тепло.

– Это слишком много, – дрогнула Жюстин, отстраняясь и тревожно вглядываясь в его усталое лицо. – Ты уверен, что ты можешь себе это позволить? Нет, нет, послушай, ты мог бы отдохнуть вместо этого...

– Я и отдыхаю, – терпеливо ответил он, не отпуская её из объятий. – Когда я не отдыхал вместе с тобой?

– Но это... – слёзы проложили русло по побелевшим щекам, потекли, расширяясь, зависая на нижнем краю лица и падая на выпуклую, часто подымающуюся грудь, моментально растекаясь по нежно-голубой ткани платья. – Это слишком много. Стив... Послушай, я не могу. Мы никогда...

– Это всё только для тебя, – сказал он, ругая себя последними словами, что так и не научил её принимать подарки за все эти шесть лет, что они были вместе.

Стив вспомнил их первую встречу. Он тогда ещё подумал, что есть разные типы романтики. Есть люди, которые живут двумя жизнями, разделяя быт и романтику: хлопая дверью, они красиво одеваются, смотрят друг на друга, словно впервые, оставляют сидение унитаза кошкой Шрёдингера, то ли опущенным, то ли нет в тёмном пространстве туалета, уходят в ресторан, сверкающий светом маленьких огоньков над парафином, и весь вечер запоминают, как нечто волшебное, а потом возвращаются в обычную жизнь, лелея в сердце этот момент фрагментарно-картинной красоты и романтики. А есть люди, которые встречаются уже двадцать лет женатыми друг на друге, и им что толку ставить стены, они сливают воедино романтику и быт, получая бытовую романтику, романтизируя переваренные пельмени, превращая во внутренние шутки прорехи в крыше, через которые в дом пытаются проникнуть ледяные капли неприятностей.

И Стив сразу понял, что они с Жюстин уже двадцать лет женаты, когда она просто взяла его за руку, посмотрела весело и доверчиво – и сказала: «Пойдём, я покажу тебе кое-что». Он вышел за ней в вечернюю прохладу сада их общих друзей, прошёл по тропинке меж кустами цветущей сирени – и оказался со всех сторон обнят падающими гроздьями цветущей глицинии, чернотой бархатного неба и крупным жемчугом тёплых южных звёзд. Они стояли там долго и молчали, и Жюстин потом часто вспоминала этот момент и говорила, что хотела сказать, что зря он за ней пошёл, вдруг она бы поджидала его там с топором, а Стив отвечал, что хотел сказать то же самое, и это была полная правда.

Другие не выдерживали его бешеного графика, выставляя ему счета, требуя доплаты за ожидание, сообщая, что ни один нормальный человек не будет столько его ждать, но Жюстин никогда не приходилось его ждать. Он приходил домой, а она была там, и она была ему рада,

вот так всё было между ними с самого начала, и Стив никак не мог поверить своей редкой удаче. Он всё ждал, что сейчас прозвенит будильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.